

Примечания

¹ А с h м а т о в а, Анна. Ett poem utan hjälte och andra dikter. Stockholm, 1978.

² Здесь и далее в скобках указаны страницы сборников: А х м а т о в а, Анна. Лирика. М., 1989; А с h м а т о в а, Анна. Op. cit.

³ А с h м а т о в а, Анна. Op. cit. S.15.

⁴ Э й х е н б а у м Б. О поэзии. Л., 1969. С.89.

⁵ R у с к дikt från Derzjavin till Brodskij. Stockholm, 1989. S.236.

N.N.TOLSTAJA. NÅGRA IAKTTAGELSER OM ÖVERSÄTTNINGEN AV ANNA ACHMATOVAS LYRIK TILL SVENSKA

Hans Björkegrens översättning av Achmatovas poesi (1978) är den största lyrikboken av Anna Achmatova på svenska. Achmatovas poesi är till sin form enkel, talspråkig och lättillgänglig.

H.Björkegrens tolkning kännetecknas av fri versform, oftast undiker översättaren rim. Achmatova använder adjektiv mycket sparsamt, hon har inga tillfälliga epitet. Översättaren avstår ofta från originalets adjektiv utan att kompensera förlusten.

O.A.Комарова

К ВОПРОСУ О ПЕРЕДАЧЕ ЯЗЫКОВОГО СВОЕОБРАЗИЯ СКАЗКИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ

Английская литературная сказка, действие которой происходит где-то между миром реального и ирреального, возникла в Англии не так давно, в десятых годах нашего века, но исторически восходит еще к творчеству Свифта¹. Одним из самых популярных авторов этого жанра является А.Милн, книги которого о приключениях Винни-Пуха известны во всем мире. Первый перевод его книги в Норвегии появился еще в 1932 г., но подлинную любовь читателей принес ему перевод Т.Эгнера, выдержавший с 1974 по 1988 г. одиннадцать изданий. Не случайно, конечно, что Т.Эгнер, так же как и Б.Захóдер, автор русского перевода, — известный

детский писатель, автор сказок, любимых детворой. В данной статье мы постараемся выявить те черты языка, которые характерны для жанра сказки, и проследить, как эта специфика отразилась в русском и норвежском переводах, обращая особое внимание на норвежский перевод Т.Эгнера².

Английская литературная сказка обладает устоявшимися традициями в композиционном плане, в методах создания художественных образов и в лексико-синтаксическом строе языка³. Для языка этого жанра характерна особая экспрессивность, рассчитанная на то, чтобы оказать воздействие на детское восприятие. Одно из требований к переводу заключается в его доступности, которая понимается как соответствие языка особенностям детской психологии.

Экспрессивность языка — самая яркая черта литературной сказки. Достигается эта экспрессивность использованием особых средств, как синтаксических, так и лексических. Синтаксис характеризуется обилием коротких, динамических предложений в диалоге и в авторском повествовании. Сложноподчиненные предложения, в основном, содержат придаточные времени и места, что свойственно и живой речи. Восклицательные предложения в авторской речи служат для привлечения внимания детей к наиболее важным моментам повествования. Если обратиться к текстам переводов, мы увидим, что переводчики стремятся сохранить живость и естественность языка оригинала. Выделим некоторые наиболее характерные моменты.

Исследователи отмечают, что авторская сказка строится в Англии как многоголосье: голос автора вмешивается в повествование — это или прямое обращение к читателю, или комментарий к поступкам героев⁴. У Милна в начале книги рассказчик (отец Кристофера Робина) обращается прямо к сыну; рассказывая о приключениях Винни-Пуха, напоминает мальчику об эпизодах из его жизни, естественно всюду появлению личных местоимений 1-го и 2-го лица. Показательно, что этот прием не сохранен ни в норвежском, ни в русском переводах: там всюду ощущается отчужденное рассказчика от персонажей — употребляется местоимение 3-го лица или имя: *said you* (10) — *sa Kristoffer Robin* (14) — сказка Кристофер Робин (333); *You had been to a party* (10) — *Nu var det vâ heldig at Kristoffer Robin...* — А как раз накануне

Кристофер Робин был в гостях (331). И в отступлениях оба переводчика вводят вместо авторского "я" - "папу": I said - (20) - va faren (21) - папа кивнул (335).

На наш взгляд, переводчики не захотели нарушать единый план повествования: следуя литературной сказочной традиции своих стран, они отказались от введения литературной рамки повествования.

Как уже говорилось, для синтаксиса литературной английской сказки характерно употребление простых по структуре предложений, преобладание сочинительной связи. Такие предложения не только описывают последовательные действия, но и придают тексту динамизм. Как правило, переводчики сохраняют эту особенность: So Piglet put the jar at the bottom of the pit, and climbed out, and they went off home together (61) - Nøff satte honningkrukka i bunnen av elefantgruven, klatret opp, og så gikk de sammen hjemover (55) - И вот Пятачок поставил горшок на дно ямы, вылез оттуда, и они пошли домой (358); So he went to the larder, and he stood on a chair and reached up to the top shelf, and found - nothing (61) - Derfor gikk han bort til matskapet, krabbet opp på en stol og strakte seg opp til det øverste hylle og fant - ingenting (56) - Он полез к буфету, влез на стул, пошарил на верхней полке и нашел там пустоту (358). Отметим попутно, что в норвежском переводе пропадает неожиданность английского предложения.

Простота структуры английского текста усиливается в норвежском переводе тем, что сочинительным союзом og в нем открывается гораздо больше предложений, чем в оригинале союзом and: He left Rabbit and hurried down to Piglet's house (111) - Og Brumm forlot Petter Sprøtt og skyndte seg til Nasse Nøff (102). Таких примеров много, и это создает особый ритм и интонацию повествования, близкую к устной речи. Если мы сравним чуть более длинный отрывок текста с норвежским переводом, нельзя не заметить, что они различаются именно по рисунку интонации: Owl lived at the Chestnut's, an oldworld residence of great charm, which was grander than anybody else's, or seemed so to Bear, because it had both a knocker and a bell-pull. Underneath the knocker there was a notice... (46) - Ugly bodde i "Kastanjeslottet", et stort hus som var finere enn alle andre hus, det

syntes i alle fall Ole Brumm. For huset til Uglå hadde både dørhammer til å banke på med og klokkesnor til å ringe på med. Under dørhammeren var det en plakate, og på den sto det skrevet... (43). В переводе предложение поделено на более короткие части, и последняя вводится союзом og. Необходимо отметить и употребление параллельной определительной структуры в переводе: til å banke på med - til å ringe på med. Вообще переводчик любит употреблять двойные сказуемые или обстоятельства, как это часто делается в норвежской народной сказке: ...and they all pulled together (309) - og de dro og de dro og de dro (31); He tried singing "Ho" two or three times... (107) - han prøvde omigjen og omigjen... (98).

В норвежском переводе часто встречаются характерные для жанка сказок сочетания парных прилагательных в прецикative: "Oh", said Pooh (122) - "Åh" sa Ole Brumm forundret og stolt (112); He gave a deep sigh (157) - Han sukket trett og glad (143); ...said Pooh rather dolefully (154) - ...sa Brumm, skuffet og lei seg (140). Это вносит в нейтральный текст оттенок ритма сказочного повествования, особенно если учесть, что и некоторые лексические клише заимствованы переводчиком из сказок: One day when he was out walking, he came to an open place in the middle of the forest, and in the middle of this place was a large oak-tree, and, from the top of the tree, there came a loud buzzing-noise (4) - Da han hadde gått langt og lenge, kom han til en åpen plass i skogen. Der stod et stort eiketre, og oppe fra toppen av eiketreet summet det og summet det (9). Отметим помимо клише gå langt og lenge также измененную структуру фразы и усилительный повтор - summet det. (Особенностью норвежского текста является и использование сочетания глагола движения с причастием другого глагола, характеризующего это действие. Помимо того, что переводчик доносит до читателя структуру оригинала, он и сам использует этот прием: So when Winnie-the-Pooh came stamping along... (43) - da han så Ole Brumm komme traskende... (40). Ср.: Winnie-the-Pooh was walking through the forest one day (20) - Ole Brumm kom en dag ruslende gjennom skogen (22) - услышав тяжелые шаги Винни-Пуха...)

Еще одним из средств создания экспрессивности является использование синтаксической инверсии - инверсии частицы при гла-

голе, особенно во фразах с сильным логическим ударением: "Come in", said Kanga, and in came Christopher Robin (104) - "Kom inn", sa Kengu. Og inn kom Kristoffer Robin (95) - И вошел Кристофер Робин (382). Переводчики часто сохраняют этот прием, хотя в русском переводе он не очень эффектен ввиду свободного порядка слов русского языка.

Особенно бережно доносят оба переводчика этот прием, когда он используется в параллельных конструкциях: "Crash" went the Heffalump's head against the tree-root, "Smash" went the jar, and out came Pooh's head again (68) - *Så Fang - slo elefantens hode mot trerota, krukka gikk i knas og ut kom hodet til Ole Brumma* (63) - Трах! - горшок разбился вдребезги. Бах! - и появилась голова Винни-Пуха (361).

Эмфатический порядок слов может выполнять двойную функцию - экспрессивную и логическую. Логическое ударение широко используется в норвежском переводе в синтаксической форме усиительной конструкции *det var... som*. И этот прием переводчик использует шире, чем А.Мылин, основываясь на распространенности его в народной сказке.

Исследователи английской авторской сказки отмечают присущую ей эмоциональную интонацию, отраженную как в особой синтаксической структуре текста, так и в его графическом оформлении. Эмоциональность отражается не только в обилии восклицательных предложений, но и при помощи выделения слов курсивом или написанием с заглавной буквы. Как справедливо утверждает Т.В.Доброничкая, эта особенность связана с тем, что большинство подобных произведений рассчитано на чтение вслух, при котором важно интонационное выделение⁵. Выделение акцентированных слов написанием с заглавной буквы в русском переводе сохранено почти всегда, в норвежском же почти всегда отсутствует: *The Very Deep Pit* (100) - *den veldig dyre gropa* (92) - Очень Глубокая Яма (355). Правда, норвежский переводчик иногда компенсирует этот прием аллитерацией: *Big Boots* (108) - *de store gumnistøvlene sine* (100) - Походные Сапоги (385), однако в целом отказ от такого графического выделения несомненно ведет к утрате передачи внутреннего состояния персонажей. Значительную роль в передаче внутреннего мира героев сказки в английском тексте играет также шрифтовое выделение слов - разрядкой или курсивом.

Надо сказать, что и норвежский, и русский переводы почти всегда передают эту особенность оригинала, при этом создается иллюзия сопереживания, особая выразительность повествования.

Таким образом, особенности структуры предложений и текста передаются в обоих переводах, однако в норвежском ощущается явная связь с традиционным синтаксисом народной сказки, имитирующим устную речь.

Рассмотрим несколько вопросов, связанных с передачей особенностей лексики оригинала. Немаловажную проблему решают переводчики, представляя читателю своих героев. Проблема перевода собственных имен неоднократно рассматривалась в плане теории, так и практики перевода⁶. В книге Милна имена персонажей часто значимые (Rabbit, Owl), имеющие пояснения (Winnie-the-Pooh) или построенные на звукоподражании. В переводе, как известно, возможны различные варианты — от транслитерации и калькирования до смысловых эквивалентов.

Имя главного героя в русском переводе передано путем транслитерации, тогда как имя Пятачок сохраняет как семантическую связь с исходным, так и морфологическую структуру (уменьшительный суффикс). В норвежском переводе вопрос принципиально решается иначе. Имена персонажей максимально приближены к традиционно сложившимся обозначениям зверей в норвежской сказке, как народной, так и литературной. По традиции звери получают сложное имя, состоящее из антропоморфического и анималистического элементов. Так, Ole Brumm соединяет одно из самых распространенных человеческих имен и звукоподражательный элемент brumme (рычать), который присутствует и в других наименованиях медведей, например, в сказке самого Т.Эгнера "Klatremus og de andre dyrene" действует персонаж Brumlemann. То же происходит и при наименовании других персонажей. Rabbit — Кролик получает имя Petter Spret (прыгун). Пятачок — ассоциативно связанное со сказочным обозначением поросенка Nasse Nøff, последний элемент звукоподражательный (фырканье). К сожалению, в норвежском переводе утрачено имя, построенное на звукоподражательном принципе в оригинале, Beure-Tuvvi — Иа-Иа, прелестно найденное полное соответствие в русском переводе. Самым простым оказались значащие имена Owl — Сова — Uglå, отметим присутствие артикля женского рода, что, конечно, соответствует употреблению

его в фольклоре. Таким образом, хотя переводчики решают проблемы наименования персонажей разными способами, и русский, и норвежский читатель попадают в мир, адекватный тому, что изображен в оригинале.

Особая экспрессивность английской авторской сказки, о которой много пишут исследователи⁷, создается и лексическими средствами, среди которых лексические повторы, эпитеты, индидуальные сравнения, окказионализмы.

Наиболее сложные проблемы встают перед переводчиками при встрече с авторским окказионализмом. В книге Милна использованы различные окказионализмы, как по способу образования, так и по функции⁸. Любопытно посмотреть, как решают авторы переводов проблемы, с этим связанные. Так, при употреблении в тексте "орфографических" окказионализмов, отражающих или неправильность произношения, или специфику восприятия канонического слова, переводчики должны найти решение, отражающее внутреннюю логику окказионализма. В английском *plex ring if an mser is reqird* (46) отражены принципы фонетического письма, что в какой-то степени сохранено в русском переводе: *Прощу нажать если не аткривают* (350); в норвежском ошибки в написании отражают лишь типичные детские ошибки в написании слов, сходных по звучанию, - *var enill ring på vira svar ånkes* (43). Характерно, что и при переводе поздравления внешне бессмысленный набор букв отражает детское шепелявое произношение, что в некоторой степени отражено в русском переводе и совершенно утрачено в норвежском: *Hiru Pary Bthuthdth thuth - da Bthuthdy* (80) - *Про зря вля бя едине мрал дня, про зря вля бя* (368) - *Jærtellig til lyk-ke me dagen* (73); опять норвежский переводчик строит фразу, используя орфографические ошибки детей. В английском оригинале окказиональным является название животного, которое хотят поймать Винни Пух и Пятачок, - *Heffalump*. Этот окказионализм строится на сочетании элементов канонической единицы как мотивирующего элемента (*lump*) с отражением неправильности произношения. В русском переводе решение найдено в сочетании элементов двух существующих слов - *Слонопотам*, что дало переводчику возможность блистательно обыграть окказионализм "слопать-ся". В норвежском переводчик упрощает задачу, вводя вполне обиденного "слона" и глагол *lumpe* для описания его действий. В

дальнейшем, однако, переводчик компенсирует эту утрату, прибегая к отражению фонетической игры слогами, свойственной оригиналу, при передаче возбужденной и от этого невнятной речи Пятачка: Help! Help! A Horrible Hoffalump! Hoff, hoff, Hellible Horrulump, Holl, holl, a hoffable Hellerump! (62) Hjerp, hjerp - en ele- ele- en eleferdig florefant -en-en forfryktelig elefant! (62). Переводчик передает прием оригинала, но использует большее количество канонических лексических единиц, что не столь экспрессивно (пропадает также аллитерация). Однако в русском переводе тоже не совсем удачно использован этот прием, перевод тяжеловесен: Слонасный ужопотам! Караул! Потасный Слоноужам! Слоноул! (361).

Авторские окказионализмы служат важным средством характеристики персонажей, не только передают их эмоциональное состояние, как в вышеприведенном примере, но и отражают недопонимание или незнание слова. Так обыгрывается автором новое для Винни-Пуха слово *expedition*, в русском переводе удачно найденное "исспедиция" не только близко по звучанию, но и семантически родственно искомому слову. В норвежском переводе автор идет, в основном, от принципа сходства звучания и структуры слова, так появляются *eksplosjon* и *ekserlesjon*. Однако вариант *eksplosjon* (взрыв) вследствие полноты своего лексического значения несколько огрубляет замысел оригинала. В английском тексте окказионализм часто строится на взаимодействии факторов семантики и фонетики, что, несомненно, трудно полностью передать в переводе, поэтому в норвежском переводе пропадает окказионализм *humpy*, замененный каноническим *hopning*, в русском же написание отражает произношение - "миот". В норвежском тексте переводчик иногда компенсирует утрату окказионализма, усиливая интонационную окраску предложения. Так, не найдя эквивалента окказионализму *missage* (134), переводчик смягчает предложение: "It's a missage", he said to himself (134) - "Det må være en beskjed", sa han til seg selv (121); ср. энергичное: "Это спасание!" (397).

Авторские окказионализмы в значительной степени пронизывают все повествование и нередко являются средством речевой характеристики персонажей, особенно Винни-Пуха. Есть в его речи и окказионализмы, построенные по действующим морфологическим

моделям, но противоречащие узусу в силу своей семантики. Так, упоминавшийся уже *hunny* имеет явную смысловую связь с каноническим *Funny*, но построен по орфографическому принципу. Окказионализм *trappy* выстроен морфологически правильно, но неверен по своему смыслу, поскольку от существительного по такой модели образовать прилагательное нельзя: "Honey was a much more trappy thing than Hayscorns" - *honning er mye lukere enn nåt-ter*. В этом предложении окказионализм *hayscorns* чисто фонетический, переводчик переводит его канонической лексической единицей, так же как и прилагательное *trappy*, не решив тем самым проблемы. В русском переводе используется окказионализм "приманочней", что является полным и смысловым и морфологическим эквивалентом английского слова.

Гораздо проще для перевода окказионализмы, сохраняющие связь с опорным элементом: *a squeaky Roo-noise* (92) - *en pi-pende kengubarn-lyd* (94) - Пятачок что-то пискнул, точь-в-точь как Ру (387). Переводчики строят описательный перевод, сохраняя в качестве главного элемента каноническую лексическую единицу. Такой прием помогает переводчикам передать игру слов, нередкую в английском тексте: "It's just the place", he explained, "for an Ambush". - What sort of bush? A gorse-bush?" (119) - "Dette er akkurat et sånt sted hvor man kan vente et busk-angrep", sa han. "Hva slags busk mente han?" (106) "Это как раз подходящее место для засад". - "Какой сад?" В обоих переводах обыгрывается мотивирующая часть непонятого слова. Правда, этот прием не всегда помогает норвежскому переводчику, и в таких случаях он прибегает к упрощению текста, что обедняет атмосферу словесной игры, свойственную сказке Милна. Одним из примеров языковой характеристики персонажей является нарочито наукообразная речь совы: "Well", said Owl, "the customary procedure in such cases is as follows... What does Crustimoney proceed-sake mean?" (45). В английском тексте окказионализм строится на использовании канонических лексических единиц в искаженном сочетании, близком по фонетическому облику обыгрываемым словам, в норвежском переводе этот момент не находит отражения, переводчик прибегает к разъяснительной фразе, что сразу делает эпизод менее забавным: "Jaha", sa Ugla, "la meg se. Den sedvanligste framgangsmåten i et sånt tilfelle er at man setter opp

en premie som belønning. - Brumm så alvorlig på ugla. "Ugle", sa han, "du sier så mange vanskelige ord" (35). Научнообразность и книжность лексики Соны отражены вполне адекватно, но утрачен столь важный для детей элемент игры. Сравним с интересной находкой Б.Заходера: - Ну, - сказала Сова, - обычная процедура в таких случаях нижеследующая... - Что значит Бычья Цедура? - сказал Лух (351). Здесь окказионализм строится, как и в оригинале, на фонетическом созвучии при неверном смысловом членении словосочетаний.

Сравнение переводческих поисков решений показывает, как по-разному подходят переводчики к нужному способу. Поучительно, какие соответствия предлагаются для загадочных и по фонетическому облику страшных зверей *Woozle* и *Wizzle*. В русском переводе используются существующие в детском фольклоре обозначения, так же как и английские, построенные на аллитерации, - Бука и Бика. Норвежский переводчик не находит точного обозначения, эквивалентного по форме оригиналу, и прибегает к описательному приему - неназванный зверь может быть еще страшнее для ребенка: "Oh, Pook! Do you think it's a a-a Woozle? (34)", "...It's either Two Woozles and one, as it might be, Wizzles and one, if so it is, Woozle" (38) - "Brumm, tror du det er en - en -en" (33), "Nei", sa Ole Brumm, "dette er et annet slags spor, eller, kanskje det kan være to store og kanskje en liten..." В первом из этих вопросов автор сохраняет неопределенность оригинала, сохраняя неопределенный артикль и опуская существительное, сплать-таки не называя их. Прием смысловой сохранен, форма выражения - иная, чем у Милна и у Заходера, и менее выразительная.

Лексическое своеобразие английского текста состоит и в употреблении автором лексических повторов, часто построенных по звукоподражательному принципу. В переводах - и русском и норвежском - сохранить этот прием удастся не всегда, но в таких случаях переводчики ищут способ компенсации. Так, вместо: He began humming a hummur - trallet på sin lille vise - He made up a little hum (20) - появляется pullet han en liten vise (21); в русском переводе звуковой образ несколько меняется - "песенка-ворчалка". В норвежском тексте разные виды этих песенок становятся из звукоподражательных различными по настроению

и величине песенками: han trallet en sang; han sang en liten stubb. Однако звукоподражательные элементы не исчезают совсем: ...in a moment I heard Winnie-the-Pooh bump-bump-bump going up the stairs (19) - litt etter hørte faren at det sa donk-donk-donk i trappene (21).

Как уже отмечалось ранее, языковой строй норвежского текста синтаксически, интонационно близок к народной сказке, традициям устной речи, что в значительной мере компенсирует некоторые лексические утраты. В русском переводе, который автор называет "пересказом", ощущается большая вольность в обращении со словом, переводчик стремится донести, скорее, общее настроение и атмосферу английской сказки. Примечательно в этом смысле, что перевод стихов очень ярко показывает позицию каждого из переводчиков. Эта тема заслуживает подробного исследования, необходимо указать лишь, что норвежские стихи тесно связаны с содержанием и формой английских, и переводчик не допускает самовольных вставок, что нередко встречается в русском переводе.

В данной статье отмечены лишь некоторые, самые яркие особенности лексико-синтаксического строя сказки Милна. На наш взгляд, сопоставление способов передачи этой специфики в разных переводах позволяет заглянуть в лабораторию переводчика и, вместе с тем, выявить некоторые закономерности в системе переводческих соответствий.

П р и м е ч а н и я

¹ Брауде Л.Ю. Сказочники Скандинавии. Л., 1974. С.164.

² В статье используются тексты: Милн А.А. Winnie-the-Pooh. London, 1962; Милн А.А. Ole Brudd / Overrett av T.Egner. Oslo, 1988; Заходер Б. Избранное: Стихи, сказки, переводы, пересказы. М., 1981. - Ссылки на страницы даны в тексте.

³ Доброничкая Т.В. Стилистико-синтаксические особенности английской детской литературной сказки: Автореф. канд.дис. М., 1980. С.5.

⁴ Там же. С.10.

⁵ Там же. С.14.

⁶ Тетради переводчика. Вып.18. М., 1981.

7 Ладисова Н.М. Экспрессивность как элемент стиля английской литературной сказки: Автореф.канд.дис. Минск, 1981. С.7.

8 Елисеева В.В. Авторский окказионализм как средство создания комического эффекта: Автореф.канд.дис. Л., 1984. - В дальнейшем мы опираемся на концепцию структуры и функционирования окказионализмов, разработанную В.В.Елисеевой.

O.A.KOMAROVA. NOEN SPRÅKLIGE PROBLEMER VED OVERSETTELSEN
AV A.MILNE'S "WINNIE-THE-POOH"

Forfatteren behandler problemer tilknyttet oversettelsen av det litterære eventyr. Artikkelen bygges på den norske og den engelske oversettelsen av A.Milnes "Winnie-the-Pooh". Begge oversettere er populære i sine land som barnebokforfattere og deres forståelse av barnas psykologi gjør seg gjeldende i oversettelsen. De språklige problemer er tilknyttet eventyrets leksikalske og syntaktiske særegenheter, blant dem oversettelsen av egenhavn og, særlig ord spesielt dannet av Milne. På det syntaktiske planet er den norske oversettelsen nærmere stilen i norske folkeeventyr, mens på det leksikalske er den russiske oversettelsen mye nærmere A.Milnes forgerike språk. Sammenlikningen av de to oversettelsene skaffer en mulighet til å forstå bedre selve oversettelsesprosessen.

И.П.Куприянова

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ЙОХАННЕСА В. ЙЕНСЕНА
(Эпопея "Долгий путь")

Йоханнес Вильгельм Йенсен (1873-1950), или Йоханнес В. Йенсен, как он сам называл себя, занимает почетное место в истории датской литературы. Еще при жизни он был причислен к классикам, его творчество оказало влияние на многих выдающихся представителей национальной поэзии и прозы. Богатство фантазии, яркое своеобразие художественной манеры, точность наблюдений - все это завоевало Йенсену высокое признание исследователей и широкий читательский интерес. Его произведения переведены на многие языки; в начале XX в. они пользовались достаточно широкой известностью и в нашей стране: в 1911-1912 гг. издательством В.М.Саблина было выпущено собрание сочинений Йенсена, в 20-х годах был опубликован перевод эпопеи "Долгий путь".

© И.П.Куприянова, 1991